

ЧЁРНЫЕ ХРАНИТЕЛИ ЛАДОГИ

КОНСТАНТИН СЕВЕР

Константин Север

Чёрные хранители Ладogi

<https://litres.ru/74659454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад полковник МУРа Игорь Корсаков оставил в Москве карьеру и хроническую бессонницу. На карельском хуторе у вод Ладogi он нашел оглушительную тишину. Его покой охраняют верные кане-корсо Зевс и Арес — два угольно-черных гиганта, способных считывать человеческую лож быстрее любого полиграфа.

Но мирная жизнь рушится, когда в ладожских шхерах находят дрейфующий катер с телом строительного магната, а на панели управления — кровавый вызов: «Привет полковнику Корсакову». Прошрое само открывает его калитку.

Надвигается полярный шторм, связь оборвана, а элитный VIP-поселок неподалеку превращается в змеиное логово заговорщиков. Когда систему предают те, кто должен её защищать, полковник в отставке выходит на неофициальную охоту. На этой тропе войны у него свои правила, две пары чутких собачьих ушей и безупречный нюх на предателей.

Содержание

Посвящение	4
Глава 1. Холодная вода Ладogi	5
Глава 2. Точка невозврата	12
Глава 3. Чертовы ворота	18
Глава 4. Ночные тени	28
Глава 5. Круг подозреваемых	34
Глава 6. Ложный след	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Константин Север

Чёрные хранители Ладоги

Посвящение

«Посвящается моему любимому мальчику — кане-корсо Зевсу (10.08.2026).

Ты ушел слишком рано, оставив след на моих руках и в моем сердце.

Эта книга — наша несбывшаяся карельская мечта, в которой мы всегда вместе, шторм утих, а ты здоров, силен и вечно охраняешь наш покой у камина.

Беги по радуге, мой Громовержец. Ты был лучшим сыном».

Глава 1. Холодная вода Ладоги

Карельский туман не рассеивался, а словно медленно впитывался в мох, лишайники и монолитные стволы вековых сосен. Игорь Корсаков стоял на самом краю деревянного, наполовину ушедшего под воду, причала. На нем была старая куртка-штормовка цвета хаки, пропитанная запахом кострового дыма, и высокие болотные сапоги.

Он смотрел на свинцовую, почти неподвижную, гладь Ладожского озера. Воздух здесь, на отшибе, пах хвоей, сырым гранитом и той пронзительной, озерной свежестью, от которой, у непривычного к северу городского жителя, начинает кружиться голова.

Здесь, на трех гектарах уединенной карельской земли, отрезанной от федеральной трассы километрами разбитой грунтовки и глухой тайги, время текло иначе. Пять лет назад Игорь оставил в Москве звание полковника юстиции, служебное удостоверение, квартиру на проспекте Мира и хроническую бессонницу. Он искал именно этого — оглушительной, лечебной тишины, в которой не будет слышно чужого горя, телефонных звонков и лжи.

Сзади синхронно и тяжело вздохнули. Игорь не оборачиваясь знал, что Зевс и Арес сидят ровно в полуметре за его спиной. Два угольно-черных кане-корсо, мощных и рельефных, как высеченные из гранита изваяния, охраняли его по-

кой. Зевс, старший пятилетний кобель с глубоким рваным шрамом над левым глазом — напоминанием о глупой стычке с кабаном в первую зиму — глухо рыкнул. Это не было проявлением злости, пес просто предупреждал хозяина, что туман сгущается. Младший, трехлетний Арес, лишь повел коротким ухом, ловя чуткие звуки просыпающейся тайги, и пружинисто переступил массивными лапами, готовый к любому рывку по первому движению руки Игоря.

— Знаю, парни, знаю, — тихо сказал Игорь, разворачиваясь и потрепав Зевса по широкой, жесткой холке. — Пора кормить вас. Идем в дом.

Они двинулись к дому — добротному срубам из просмоленного, потемневшего от времени бревна. Игорь строил и доводил его до ума сам, нанимая местных из ближайшей деревни только на самые тяжелые работы. Жизнь на карельском хуторе требовала внимания к деталям: Игорь проверил через приложение в телефоне исправность автономного отопления, бросил пару березовых поленьев в камин для вечернего уюта и бросил взгляд на датчик автоматического генератора.

В свои пятьдесят два года Корсаков выглядел крепче и здоровее, чем в душных столичных кабинетах. Седина в коротко стриженных волосах, резкие, словно выветренные черты лица и пронзительные, глубокие зеленые глаза. Эти глаза были его главным рабочим инструментом на протяжении двадцати пяти лет службы: они умели замечать микро-

мимику, фальшь и страх там, где пасовали самые современные полиграфы. Прошрое напоминало о себе лишь ноющей к сырой непогоде коленкой — сувенир от старого задержания, когда подозреваемый решил прыгнуть со второго этажа.

На просторной застекленной веранде Игорь достал две огромные металлические миски. Зевс и Арес питались строго по системе БАРФ, поэтому сегодня их завтрак состоял из порций сырого говяжьего рубца, мясной обреза, утиных шей и фермерских перепелиных яиц. Собаки замерли перед мисками, исходя слюной, но не притрагиваясь к еде. Они сидели абсолютно неподвижно, преданно и выжидающе глядя снизу вверх на хозяина.

— Можно, — негромко скомандовал Игорь.

Собаки дружно принялись за завтрак. Игорь улыбнулся, прошел на кухню и поставил на плиту чайник. Он собирался заварить брусничный лист с сушеной черникой — его любимый утренний сбор, который отлично согревал в эти туманные осенние дни.

Но чайник так и не успел засвистеть. Тишину карельского утра, к которой Игорь привыкал годами, внезапно разрезал чужеродный, низкий гул автомобильного мотора.

Зевс мгновенно оторвался от миски. Челюсти пса замерли, шерсть на загривке поднялась плотным гребнем. Арес бесшумно, словно черная тень, скользнул к панорамному окну веранды, вглядываясь в просвет между соснами. По разбитой тракторной колее, ведущей к участку Игоря, тяже-

ло переваливаясь на глубоких ухабах, полз большой черный внедорожник с московскими номерами.

Местная полиция из Сортавалы на таких машинах не ездила — не по карману, да и подвеску жалко. На таких машинах в Карелию обычно привозили столичные проблемы самого высокого уровня.

Игорь медленно выключил газ. Спокойно, без суеты накинул на плечи штормовку и вышел на высокое крыльцо. Зевс и Арес мгновенно заняли позиции по бокам от его ног. Почти два центнера живых, напряженных мышц замерли, превратив крыльцо в неприступную крепость.

Внедорожник остановился у деревянного забора. Дверь со стороны водителя открылась, и на влажную карельскую траву ступил человек в дорогом, явно не по местной погоде легком кашемировом пальто и лакированных туфлях. Лицо пришельца показалось Игорю смутно знакомым, но окончательно пазл сложился, когда с пассажирского сиденья выбрался молодой, подтянутый парень в форме майора полиции с новеньким кожаным планшетом.

— Игорь Николаевич! — крикнул человек в пальто, благоразумно останавливаясь у калитки и не решаясь сделать ни шагу внутрь из-за грозного вида двух кане-корсо. — Не признали? Это Савельев. Из Главного управления. Помните МУР, тринадцатый отдел?

Игорь на секунду закрыл свои зеленые глаза и глубоко вздохнул. Прошлого, от которого он сбежал за тысячу кило-

метров, само открыло его калитку.

— Зевс, Арес, свои, — негромко, но твердо скомандовал Игорь.

Собаки синхронно сели, расслабив плечи, но их тяжелые, немигающие взгляды продолжали бурить незваных гостей.

— Заходите, Савельев, — громче сказал Игорь, спускаясь по ступеням. — Какими судьбами в наших болотах? И почему в гражданском?

Савельев толкнул деревянную калитку и вошел на участок, зябко кутаясь в воротник своего дорогого пальто, которое уже успело покрыться мелкими каплями карельской мороси. Майор следовал за ним шаг в шаг, испуганно косясь на Ареса, который продолжал тихонько вибрировать всем телом от избытка энергии.

— Дело дрянь, Игорь Николаевич, — без лишних предисловий и светских глупостей начал Савельев, останавливаясь в трех метрах от Корсакова. — Три дня назад в ладожских шхерах, всего в двадцати километрах от вашего хутора, егеря нашли дрейфующий катер. На борту — Денис Истомин. Тот самый строительный магнат, который скупил половину участков под элитную застройку вокруг Ладоги. В затылке пуля, калибр крупный. Местные зашли в тупик на первой же стадии: ни мотивов, ни зацепок, ни свидетелей. Дело на контроле у министра. А мне в Главке начальник четко сказал: «Если хотите раскрыть эту чертовщину, найдите Корсакова. Он этот район как свои пять пальцев знает, да и в людях раз-

бирается получить любого детектора лжи».

Игорь посмотрел мимо Савельева — туда, где серые рваные тучи зацепились за верхушки старых елей. Ему очень хотелось развернуться, запереть дверь, налить горячего чаю и сделать вид, что этого разговора никогда не было. Свою дозу человеческой грязи он уже получил на две жизни вперед.

— Я в отставке, Савельев. Пять лет как, — сухо ответил Игорь, скрестив руки на груди. — У меня тут пчелы, рыбалка и две собаки. Занимайтесь своей столичной шишкой сами. У вас для этого целый следственный комитет есть.

— Да если бы только шишка, Игорь Николаевич... — Савельев вздохнул и обернулся к майору.

— Покажи.

Молодой майор торопливо расстегнул кожаный планшет, достал оттуда глянцевый снимок формата А4 в прозрачном пластиковом файле и с легким поклоном протянул бывшему полковнику.

Игорь взял файл. На фотографии крупным планом был запечатлен фрагмент палубы белоснежного катера, испачканный подсохшей, потемневшей кровью. Прямо на пластиковой панели возле штурвала лежал клочок плотной пергаментной бумаги. На нем от руки, размашистым, демонстративно наглым почерком черным маркером было написано всего три слова:

«Привет полковнику Корсакову».

Игорь почувствовал, как внутри у него словно провернул-

ся ледяной ключ. Воздух вокруг стал еще холоднее. Убийца не просто убрал Истомина. Он устроил показательную казнь и открыто вызвал Игоря на дуэль, зная, что полковник живет именно здесь. Преступник словно плевал в лицо всей системе, обращаясь лично к человеку, который когда-то славился тем, что доводил до логического конца и железного ареста самые безнадежные дела.

Зеленые глаза Корсакова сузились, превратившись в две ледяные щелки. Профессиональный инстинкт, который он пытался усыпить последние пять лет, проснулся мгновенно, заставив сердце биться чаще.

— Савельев, — тихо, но с угрозой в голосе произнес Игорь. — Кто ведет катер береговой охраны?

— На пристани в поселке ждет капитан-лейтенант. Мы готовы выйти в любую секунду, — быстро ответил Савельев, почувствовав, что лед тронулся.

Игорь повернулся к дому и резко свистнул. Зевс и Арес мгновенно подскочили, преданно глядя на хозяина. В их умных собачьих глазах читалось понимание: мирная жизнь закончилась.

— Ждите у машины, — бросил Корсаков через плечо, поднимаясь на крыльцо. — Возьму брезентовые поводки для парней, рацию и аптечку. Мы едем на шхеры. Посмотрим, кто это у нас такой смелый в карельских лесах завелся.

Глава 2. Точка невозврата

Москва пятилетней давности умирала под тяжелым, удушливым августовским зноем. Раскаленный асфальт проспекта Мира источал едкий запах бензина и плавящегося гудрона, а бесконечный, монотонный гул многотысячного автомобильного потока за окном не прекращался ни на минуту, превращаясь в сплошной фоновый шум, от которого гудела голова.

В трехкомнатной квартире Игоря Корсакова на седьмом этаже сталинского дома царил хаос, похожий на финал долгой, изнурительной осады. Вся гостиная была завалена массивными картонными коробками, обмотанными широким коричневым скотчем, мешками с вещами и полуразобранной мебелью. Игорь сидел на одном из таких ящиков, уронив тяжелые руки на колени. На нем была простая, выцветшая серая футболка и старые спортивные брюки. Вся комната тоннула в густых, душных вечерних сумерках, но Корсаков не включал свет. Ему было всё равно.

В этот день в три часа дня он в последний раз вышел из массивных дверей здания на Петровке, 38. В его кармане больше не было тяжелого, пахнущего дорогой кожей служебного удостоверения полковника юстиции — он сдал его в отдел кадров вместе с табельным оружием. Рапорт об увольнении по выслуге лет, написанный жёстким, размашистым

почерком, лег на стол генерала еще неделю назад. Двадцать пять лет безупречной, адской службы в розыске и следствии были официально перечеркнуты одной жирной черной подписью.

Мир вокруг него казался выцветшим, серым и абсолютно пустым, словно из него разом выкачали весь воздух и краски. Игорь страдал от той самой страшной, глухой «хронической бессонницы», которая преследовала его последние три года. Это была не просто невозможность уснуть — это была ментальная пытка. Стоило ему закрыть свои воспаленные, пронзительные зеленые глаза, как в темноте под веками начинали со свистом прокручиваться лица подозреваемых, крики потерпевших, бурые пятна крови на асфальте и бесконечная, удушливая ложь, которую он тоннами выслушивал на допросах. Его мозг, превратившийся в перегретый процессор, отказывался отключаться. Игорь забыл, что такое здоровый, чистый сон без кошмаров. Он чувствовал себя живым мертвецом, застрявшим в бетонных сотах мегаполиса.

Вдруг в прихожей, нарушая эту мертвую, пыльную тишину квартиры, раздался странный, тихий звук. Это не был стук в дверь. Кто-то возился у самого пола, издавая тихое, жалобное и прерывистое поскуливание, смешанное с частым царапаньем когтей по старому паркету.

Игорь медленно, преодолевая сопротивление ноющего колена, поднялся с коробки. Прошел в темный коридор и толкнул тяжелую входную дверь. За порогом, прямо на ков-

рике, сидел Савельев — тогда еще капитан, его бывший лучший опер. Савельев выглядел растрепанным, его форменная рубашка была расстегнута, а в руках он бережно, словно хрупкую вазу, прижимал к груди большую дорожную сумку, из которой торчала крупная, угольно-черная голова.

— Игорь Николаевич, прости, что без звонка, — Савельев тяжело дышал, проходя внутрь прихожей без приглашения и аккуратно опуская сумку на пол. — Я только что с обыска по твоему последнему делу. Ну, помнишь того теневого дельца из Химок, которого мы сегодня утром брали с группой захвата? Мы особняк опечатали, хозяина в ИВС увезли, а в дальней комнате... нашли вот его. Этот тип купил щенка в элитном питомнике три дня назад за безумные деньги — просто ради статуса, как дорогую игрушку. Документы, родословная, ветеринарный паспорт — всё там, в сумке лежало. Собака в пустом запертом доме сидела, голодная, напуганная. В дежурную часть тащить породистого трёхмесячного щенка глупо, в протокол изъятия вещдоков его не впишешь, а везти в муниципальный приют у меня рука не поднялась. Игорь... заberi его. Тебе всё равно на днях уезжать на природу. Посмотри на него.

Игорь Корсаков нахмурился, его глаза сузились, наливаясь привычной кабинетной жесткостью.

— Савельев, ты с ума сошел? У меня переезд через два дня. Куда мне собаку? У меня рапорт, выслуга, чемоданы... Но договорить полковник не успел. Из расстегнутого зам-

ка сумки, неуклюже перебирая толстыми, широкими лапами, на паркет выбрался щенок. Это был маленький кане-корсо, угольно-черный, как кусок антрацита, с широкой, квадратной мордой и короткими ушами. На его груди отчетливо виднелось небольшое, аккуратное белое пятнышко — оно было похоже на силуэт маленькой летящей птицы, расправившей крылья, и этот чистый штрих удивительно ярко контрастировал с его глубоким, темным окрасом.

Малыш покачулся на скользком, отполированном дереве паркета, его задние лапы на мгновение разъехались в стороны, но он упрямо выпрямился, высоко поднял голову и посмотрел прямо в лицо Игоря...

И в эту секунду в коридоре сталинской квартиры словно остановилось время. Маленький Зевс смотрел на сурового полковника своими бездонными, матово-черными, чистыми глазами. В этом тяжелом, немигающем взгляде трёхмесячного кане-корсо не было ни капли страха перед огромным, незнакомым человеком. Там было нечто иное — абсолютная, первозданная преданность и та ошеломляющая чистота, которую Игорь тщетно искал в людях за двадцать пять лет суровой службы. Этот пес не умел лгать, не умел предавать, не знал, что такое человеческая корысть и интриги. Он просто пришел и выбрал своего вожака.

Щенячий нос шумно втянул воздух, пахнувший пыльным картоном. Маленький Зевс сделал один неуклюжий, качающийся шаг вперед, уверенно уткнулся мокрым кожаным но-

сом прямо в потрепанный домашний тапочек Игоря и тихо, доверчиво вздохнул, поджав под себя куций хвост.

Игорь почувствовал, как внутри него, в самом центре его выгоревшей, покрытой шрамами и профессиональным цинизмом души, словно лопнул ледяной панцирь. Хроническая тяжесть в груди, давившая его последние месяцы, вдруг отпустила.

Полковник медленно опустился и сел на пол прямо перед щенком. Его большие, жесткие ладони, которые задерживали опаснейших преступников Москвы, аккуратно, с невероятной нежностью подхватили малыша под грудь. Игорь поднял его на уровень своих глаз. Маленький кане-корсо в ответ лениво лизнул его шершавую, обветренную щеку своим теплым языком.

— Ну привет, Зевс, — тихо, с хрипотцой в голосе произнес Игорь, и на его жестком лице впервые за несколько лет появилась слабая, но настоящая, искренняя улыбка. — Похоже, мы оба с тобой оказались лишними для этой столичной системы.

Савельев, стоявший у двери, облегченно выдохнул и тихонько, чтобы не мешать, шагнул обратно на лестничную площадку, аккуратно прикрыв за собой дверь. В этой квартире капитану больше делать было нечего — спасение началось.

Ту ночь Игорь впервые за три года провел без кошмаров. Он лег прямо на матрас, брошенный среди коробок в гости-

ной, а маленький угольно-черный комочек устроился у него под боком, уткнувшись носом в его подмышку и мерно, уютно посапывая в темноте. Зевс дышал часто и тепло, и это живое, преданное дыхание усыпило полковника лучше любых сильнодействующих снотворных. Игорь Корсаков спал глубоким, чистым и целебным сном целых девять часов.

Утром, открыв глаза и увидев рядом проснувшегося Зевса, который азартно грыз угол картонной коробки своими мелкими зубами, Игорь принял окончательное, бесповоротное решение. Он подошел к ноутбуку, открыл сайт объявлений и вместо скромного домика в Подмоскovie вбил в строку поиска совершенно другие слова: *«Карелия. Уединенный хутор. Дикий лес. Ладога»*.

Игорь понял: он не имеет права растить этого благородного черного гиганта среди московского смога, асфальта и человеческой грязи. Зевсу нужен был простор, глухая тайга, чистая озерная вода и свобода. Маленький, неуклюжий щенок стал для полковника той самой единственной, спасительной лечебной зацепкой за жизнь, которая вытащила его со дна депрессии и определила их общий путь на пять лет вперед. Именно ради него, ради его матово-черных глаз, Игорь Корсаков бросил столицу навсегда, шагнув в неизвестность северных лесов.

Глава 3. Чертовы ворота

Служебный катер береговой охраны уверенно резал свинцовую, покрытую мелкой рябью ладожскую волну. Мощный японский мотор глухо и ровно рокотал за кормой, оставляя за собой широкий, бурлящий шлейф белой пены. Игорь Корсаков стоял на самом носу, поглубже натянув капюшон плотной мембранной штормовки. Холодный октябрьский ветер здесь, на открытой воде, был пронзительным и резким, швырял в лицо ледяные брызги, но полковник словно не замечал их. Его глаза были прикованы к серому горизонту, где сквозь рваные полосы тумана проступали мрачные очертания гранитных островов.

Зевс и Арес сидели по обе стороны от его ног, прижавшись мощными, теплыми боками к бедрам хозяина. Кане-корсо переносили озерную качку на удивление стойко. Зевс, как старший и более опытный, сидел абсолютно неподвижно, широко расставив массивные лапы и намертво сцепляясь когтями с рифленным покрытием палубы. Он лишь изредка глухо и недовольно ворчал, когда катер подбрасывало на очередной крупной волне.

Игорь опустил левую руку в тактической перчатке на широкую, жесткую холку старшего кобеля. Ладонь инстинктивно скользнула ниже, к груди, нащупывая под плотной тканью штормовки скрытый шерстью контур — то самое белое пят-

нышко в виде летящей птицы, расправившей крылья. В памяти полковника против воли мгновенно всплыли удушливые сумерки квартиры на проспекте Мира, хаос из картонных коробок и неуклюжий, качающийся на скользком паркете антрацитовый щенок, который пять лет назад одним своим доверчивым вздохом спас его от ментальной катастрофы. Корсаков крепче сжал пальцы на холке пса. Зевс словно почувствовал это мимолетное движение памяти вожака: он поднял голову и коротко, преданно заглянул Игорю в лицо своим бездонным матово-черным взглядом. Полковник едва заметно кивнул — они оба знали, от чего уехали тогда и что защищали здесь.

Младший же, Арес, крутил головой, азартно ловил ноздрями холодные озерные брызги и то и дело оборачивался на Игоря, словно спрашивая: «Ну когда уже дело?».

Молодой майор, присланный районным отделом для сопровождения, за всю дорогу так ни разу и не вышел из теплой застекленной рубки. Соседство с двумя черными гигантами, от которых веяло первобытной силой, явно не входило в его планы на этот день.

— Подходим, Игорь Николаевич, — Савельев осторожно пробрался по правому борту к носовой части катера, обеими руками крепко держась за металлические леера. Его дорогое городское пальто окончательно промокло и обвисло, а лакированные туфли выглядели дико на фоне суровой карельской природы. — Вон там, между теми двумя гранит-

ными лбами. Местные называют это место Чертовыми воротами. Настоящий лабиринт из островов и затопленных скал. Идеальная дыра, чтобы спрятать концы в воду.

Катер заметно сбросил ход, нос опустился, а рокот мотора перешел на низкое, вибрирующее ворчание. Перед ними открылся узкий, зажатый между отвесными каменными стенами проход. Вода здесь, укрытая скалами от ветра, казалась черной, густой и абсолютно неподвижной, словно жидкое стекло. В самой глубине этой каменной ловушки, нелепо и беспомощно уткнувшись носом в пологий мшистый берег, замер круизный катер «Аврора». Белоснежный пластик, огромные панорамные окна капитанской рубки, хромированные детали — эта роскошная столичная игрушка смотрелась на фоне дикой тайги чужеродно. На дверях каюты отчетливо виднелась красная сургучная печать Следственного комитета, а на палубе сиротливо горел выставленный охраной сигнальный фонарь.

— Эксперты из Петрозаводска закончили первичный осмотр еще позавчера, — продолжал Савельев, пока их катер аккуратно притирался бортом к плоскому прибрежному валуну. — Тело Истомина сразу же доставили в морг Сортавалы, его вдову сейчас везут спецрейсом из Москвы. Катер опечатали, а местный райотдел выставил круглосуточное дежурство, чтобы мародеры ничего не растащили. Но толку от их дежурства? Ни одной реальной зацепки.

— Охрана места происшествия — это максимум, на что

они способны, Савельев, — сухо ответил Игорь, легко и пружинисто перешагивая через борт катера на гладкий карельский гранит. — Они ищут следы там, где им привычно — на палубе и в каюте. А смотреть нужно шире.

Он повернулся к собакам и едва заметно шевельнул указательным пальцем:

— Зевс, Арес, на берег. Рядом.

Псы синхронно, без единого лишнего звука перемахнули через борт. Оказавшись на суше, они мгновенно преобразились, сбросив напускную лень. Свобода от поводков вернула им грацию опасных хищников. Арес тут же припал к земле, шумно, с присвистом втягивая ноздрями запах мокрого мха и прелой хвои. Зевс же занял стратегическую позицию чуть выше по склону скалы, замер и превратился в слух, сканируя редкий сосновый подлесок. Савельев предъявил дежурному сержанту охраны свое служебное удостоверение и подписанный следователем допуск на осмотр, в который Игорь Корсаков был официально внесен как привлеченный эксперт-консультант. Сержант взял под козырек, пропуская группу.

Корсаков поднялся на борт «Авроры». Прошел на корму, где у самого штурвала до сих пор отчетливо виднелось бурое, подсохшее на ветру пятно. Он присел на корточки, склонив голову и внимательно изучая характер брызг и направление потоков крови.

— Выстрел был сделан сзади и под достаточно крутым углом сверху, — задумчиво, словно рассуждая вслух, произнес

Игорь. — Истомин сидел в кресле капитана лицом к штурвалу. Пуля прилетела со скалы позади судна. Она пробила стекло задней двери рубки, вошла Истомину в затылок и по нисходящей траектории вышла чуть ниже подбородка, после чего намертво засела в недрах приборной панели.

Игорь выпрямился и посмотрел на Савельева:

— Ваши эксперты пулю из панели достали?

— Да, позавчера еще извлекли, — кивнул Савельев. — Смята сильно, но эксперт сразу определил крупный калибр. Местные ребята не дураки, траекторию просчитали в первый же час. Поняли, что стреляли со скалы, от старого дота. Они там всё с металлоискателями перерыли, каждый сантиметр мха просеяли. И ничего. Ни окурка, ни следа обуви на граните, ни гильзы. Стрелок словно испарился.

— На граните следов и не будет, особенно после ливня, — Игорь спустился на берег и посмотрел наверх, где среди сосен чернела амбразура финского укрепления. — А гильзу металлоискатель мог и не взять, если она глубоко в расщелину улетела. Гранитный массив дает сильный фон, простые приборы слепнут. Тут нужна другая техника.

Он повернулся к собакам, которые преданно ждали у кромки воды:

— Зевс, Арес, за мной. Пойдем проверим лежку.

Подъем на скалу оказался крутым. Игорь уверенно шагнул по едва заметной звериной тропе, хватаясь за ветки цепких карельских берез. Зевс и Арес шли впереди, двигаясь

во влажной траве абсолютно бесшумно, словно две черные пантеры. Савельев и местный майор то и дело скользили на мокром граните, тяжело дышали где-то позади.

Через десять минут группа вышла к плоской вершине. Старый финский дот, сложенный из грубо отесанных валунов, наполовину ушел в землю и оброс черничником. Его амбразура, нацеленная прямо на узкую шхеру, выглядела угрюмо.

— Местные здесь все перерыли, — тяжело дыша, произнес Савельев, вытирая со лба пот, смешанный с каплями дождя. — Я же говорю, пусто.

Игорь не ответил. Его пронизательные зеленые глаза сканировали пространство. Он прекрасно знал, как работают армейские металлоискатели: в условиях, когда вокруг залегают гранитные породы с высоким содержанием железа, катушка прибора начинает выдавать ложные сигналы. Оперативники просто физически не могли заглянуть в каждую микротрещину.

— Арес, Зевс, искать, — негромко скомандовал Игорь, сделав характерный жест рукой в сторону каменной гряды позади дота.

Псы мгновенно разделились. Зевс начал методично обходить периметр укрытия, держа уши востро и контролируя лес. Арес же, ведомый своим азартным охотничьим инстинктом, опустил массивную голову к самой земле. Он шумно, с характерным присвистом втягивал ноздрями воз-

дух, проникающий сквозь мох.

Минуты три тянулось напряженное молчание. Савельев зябко переминался с ноги на ногу, явно не веря в успех.

Вдруг Арес замер у глубокой узкой расщелины между двумя огромными валунами прямо за тыловой стеной дота. Пес поскреб когтем гранит, глухо и требовательно гавкнул один раз, а затем обернулся на Игоря, преданно заглядывая ему в глаза и нетерпеливо помахивая купированным хвостом.

— Нашел что-то, парень? — Игорь быстро подошел и опустился на одно колено.

Расщелина уходила вниз почти на полметра. На дне, надежно укрытая каменным выступом от проливного дождя, тускло поблескивала тяжелая латунная гильза. При выстреле автоматика снайперской винтовки выбросила ее вправо-вверх-вперед. Ударившись о стену дота, она по идеальной рикошетной траектории влетела прямо в эту природную ловушку. Армейский металлоискатель здесь просто ослеп, экранированный толщиной плотного гранита.

Игорь достал из тактического кармана куртки медицинский зажим и прозрачный пластиковый пакет. Аккуратно, стараясь не поцарапать металл и сохранить возможные микрочастицы пороховой гари, он извлек находку. Гильза была длинной, бутылочной формы, с непривычно широким горлышком.

Зеленые глаза Корсакова мгновенно потемнели, в них от-

разился холод северного неба. Он поднес пакет ближе к лицу, рассматривая заводское клеймо на донце.

— Ну что там, Игорь? — Савельев подбежал ближе, едва не упав на скользком мху. — Нашли?

— Девять на тридцать девять, — тихо, но свинцово-тяжело произнес Корсаков. — Специальный снайперский патрон СП-5. Оружие с интегрированным глушителем. Винтовка «Винторез» или автомат «Вал».

Майор из Сортавалы испуганно округлил глаза, сделав шаг назад:

— Это же спецназовский калибр... У нас в республиканском управлении такого оружия на учете вообще нет. Это что, профессиональный наемник?

— В республике нет, а в моем прошлом — был, — Игорь поднялся во весь рост, убирая пакет с гильзой во внутренний карман штормовки.

Внутри у полковника всё болезненно сжалось, а зубы инстинктивно сцепились. Пазл прошлого замыкался в уродливое, зловещее кольцо. Снайперский комплекс калибра 9х39 мм фигурировал в его самом последнем, предотставном деле в Химках пять лет назад. Именно на конспиративной квартире того самого теневого ликвидатора по кличке Гранит Савельев тогда нашел напуганного трёхмесячного щенка кане-корсо. Получалось, что наемник, которого Корсаков засадил за решетку и у которого фактически отобрал собаку, теперь вернулся. И пришел он сюда, на Ладугу, не просто ра-

ди денег Истоминых — он пришел уничтожить ту тишину, которую Игорь построил вокруг его бывшего пса.

— Пять лет назад в Москве я лично собирал доказательную базу и проводил задержание ликвидатора по кличке Гранит, — Корсаков посмотрел на притихшего Зевса, и его голос прозвучал глуше обычного. — Он работал исключительно с этим калибром. По решению суда он получил строгий режим и должен еще сидеть. Слишком много на нем крови висит.

Савельев резко побледнел, в один миг растеряв весь свой столичный лоск и самоуверенность. Он опасливо оглянулся на сосновые заросли, словно Гранит мог прямо сейчас держать их на мушке, и понизил голос до шепота:

— Игорь... Месяц назад Гранита переводили в другую колонию. Под Вологодой, на глухом перегоне, автозак попал в тяжелую аварию, улетел с насыпи. Двое конвойных погибли на месте. Гранит ушел в леса. Об этом не трубили в прессе, ловили тихо, думали, сам замерзнет в болотах. Не замерз, значит...

Игорь посмотрел на Зевса, а затем на Ареса. Псы стояли рядом, плечом к плечу, преданно и серьезно глядя на хозяина. Они словно чувствовали, как воздух вокруг наэлектризовался.

— Значит, он не просто выжил и ушел, Савельев, — Корсаков развернулся и быстрым шагом направился обратно к тропе, ведущей к катеру. — Он приехал сюда. За мной. Он

прекрасно знает, где находится мой хутор. А Истомин со своим круизным катером был просто кровавым способом выманить меня из дома, проверить, в форме ли я. Возвращаемся. Мне нужно проверить периметр и настроить камеры умного дома. Игра началась.

Глава 4. Ночные тени

Карельские сумерки опустились на хутор стремительно, словно тяжелый серый занавес. К десяти часам вечера глухую тайгу вокруг участка Игоря Корсакова затопила плотная, непроглядная темнота. Поднявшийся с Ладожского озера ветер шумел в кронах многовековых сосен, с силой швыряя в панорамные окна веранды редкие капли ледяного осеннего дождя. Старые деревья стонали и раскачивались под порывами шторма, создавая сплошной, давящий на уши гул. В такую погоду лес становился живым, подвижным и глубоко враждебным для любого чужака.

Внутри бревенчатого сруба, вопреки стихии, царили идеальное тепло и покой. В просторной гостиной потрескивали массивные березовые поленья в камине, наполняя комнату мягким, янтарным светом и едва уловимым ароматом сухого древесного дыма. Игорь сидел в глубоком кожаном кресле, вытянув травмированную когда-то на Петровке, ногу. В руках он держал тяжелую глиняную кружку с горячим отваром брусничного листа и черники. Горячий пар приятно обжигал лицо, но мысли полковника были бесконечно далеки от этого домашнего уюта.

Впервые за пять благословенных лет карельского отшельничества к Игорю вернулась она — та самая глухая, удушливая «столичная бессонница». Процессор в голове, который

Зевс так бережно усыплял каждую ночь на протяжении пяти лет, снова запустился на полную, опасную мощность. Но теперь это была не бессонница выгоревшего мертвеца. Это была звенящая, расчетливая и ледяная ярость старого оперативника. Наемник Гранит своим появлением в шхерах посмел посягнуть на единственное святое место, которое осталось у Корсакова. Он пришел забрать его тишину.

Рядом, растянувшись на толстом шерстяном ковре у самого подножия камина, мирно спали Зевс и Арес. Они лениво посапывали, изредка смешно подергивая лапами во сне, словно гонялись в своих собачьих грезах за карельскими зайцами. Со стороны могло показаться, что это обычная мирная идиллия отошедшего от дел человека.

Но Корсаков не спал. Его пронизательные зеленые глаза были прикованы к тускло светящемуся экрану смартфона, лежащего на коленях.

После тяжелого возвращения со шхер Чертовых ворот Игорь потратил больше двух часов на то, чтобы перевести охранный комплекс своего дома в режим максимальной боевой готовности. На самом деле, Корсаков вложил немало средств в безопасность: по всему периметру трех гектаров забора в кронах деревьев были скрыты современные тепловизионные датчики движения, а на ключевых точках лесных просек висели поворотные камеры с мощной инфракрасной подсветкой. Вся система была полностью автономной, завязанной на подземный литий-ионный накопитель и резерв-

ный генератор.

Савельев уехал обратно в Сортавалу еще в полдень, перед отъездом настойчиво предлагая оставить на хуторе пару вооруженных бойцов из местного ОМОна. Полковник в отставке наотрез отказался, и Савельев не стал спорить. В этих густых лесах чужие люди с автоматами, не знающие рельефа, стали бы для Гранита идеальными, беззащитными мишенями. А здесь, на своей земле, Игорь доверял только двум вещам: своему колоссальному опыту розыскника и двум парам чутких собачьих ушей.

Экран смартфона внезапно коротко моргнул. Беззвучно, но агрессивно на дисплее загорелась багровая полоса уведомления.

«Внимание. Предупреждение первого уровня. Зона 4. Северо-западный сектор. Обнаружено движущееся тепловое пятно».

Игорь медленно, стараясь не издавать ни единого лишнего звука, поставил кружку на журнальный столик. Сердце глухо, ровно и мощно застучало в груди, мгновенно разогнав по венам ледяной адреналин. Профессиональный инстинкт охотника проснулся окончательно, взяв полное управление над разумом и телом.

Четвертая зона — это был самый дальний рубеж его участка. Глухой, заросший диким малинником склон у скалистой гряды, почти на самой границе забора. Там не было туристических стоянок, не было звериных троп, и обычный

деревенский браконьер ни за что не пошел бы через эти острые гранитные валуны в крошечной темноте под проливным дождем.

Зевс открыл глаза первым. Без единого звука огромный пятилетний кобель поднял массивную, шрамированную голову. Его мощные челюсти плотно сжались, а угольно-черная шерсть на загривке медленно, сантиметр за сантиметром, поднялась плотным жестким гребнем. Янтарный отсвет угасающих березовых поленьев камина скользнул по его мощной, вылитой из чугуна груди, и на секунду высветил то самое белое пятнышко в виде летящей птицы. Символ спасения, который Игорь пять лет назад вытащил из химкинской грязи, теперь превратился в грозный, карающий монолит. Через секунду подорвался трехлетний Арес. Младший пес плавно припал к полу, вытянул мускулистую шею в сторону застекленной веранды и издал едва слышный, низкий, вибрирующий рык, от которого в серванте жалобно и тонко звякнуло стекло.

— Тихо, парни, — едва слышно, одними губами прошептал Игорь, опуская ладонь на широкую голову Зевса.

Собаки мгновенно замерли, послушно запечатав пасти. Они превратились в два живых изваяния, но их немигающие, налитые тяжелой силой глаза были намертво прикованы к темноте за окном. Они ждали команды.

Игорь быстрыми движениями пальцев вывел на экран телефона прямую трансляцию с четвертой тепловизионной ка-

меры. Из-за штормового ветра, качающего ветви елей, изображение сильно шумело и шло полосами. Однако автоматика четко обвела желтым маркером расплывчатый силуэт человека. Тот двигался неестественно плавно, профессионально перенося вес тела и скрадывая шаги — так ходят только те, кого долго и целенаправленно учили бесшумно перемещаться в лесу.

Силуэт остановился возле вековой ели, замер на несколько секунд, словно вглядываясь в окна светящегося дома сквозь мощную оптику снайперского прицела, а затем внезапно растворился в ночной тени, уйдя из зоны видимости объектива.

Гранит не собирался штурмовать дом в лоб, он был слишком умен для этого. Он прощупывал защиту. Проверял, насколько глубоко его утренний «привет» со шхер засел в голове у бывшего полковника, и караулил его первый неверный шаг.

Корсаков бесшумно поднялся с кресла, подошел к искусно замаскированному под дубовую панель оружейному сейфу и приложил палец к биометрическому замку. Мягко, едва слышно щелкнули ригели. На свет появилось его личное охотничье ружье — двенадцатикалиберный помповый дробовик «Бенелли», верный, безотказный инструмент с коротким стволом, идеальный для ближнего боя в замкнутом пространстве или густых зарослях.

Игорь привычным, доведенным за годы оперативной ра-

боты до абсолютного автоматизма движением вогнал четыре тяжелых патрона с крупной волчьей картечью в подствольный магазин. Последний, пятый патрон со щелчком отправился в патронник. Ложиться спать этой ночью на хуторе было уже бессмысленно.

Полковник повернулся к своим собакам. Зеленые глаза Игоря горели холодным, решительным и яростным блеском, который когда-то заставлял ломаться самых матерых рецидивистов на допросах.

— Ну что, мальчики, — тихо произнес он, проверяя надежность крепления подствольного тактического фонаря. — Гость пришел даже раньше, чем мы рассчитывали. Зевс, Арес — к двери. Идем за забор, встретим его на наших условиях.

Глава 5. Круг подозреваемых

Шторм утих только к четырем часам утра, оставив после себя пронзительную, хрустальную осеннюю прохладу и умытую дождем тайгу. Воздух стал настолько прозрачным, что хвоя сосен казалась изумрудной под первыми лучами холодного северного солнца. Ночной визит Гранита оказался лишь короткой психологической атакой — он растворился в темноте так же бесшумно, как и появился, оставив на границе участка глубокий след от армейского ботинка в раскисшей глине и сорванную ветку малинника. Игорь не стал преследовать его впопыхах. Он слишком хорошо знал повадки этого зверя: наступать на пятна соперника ночью в его же лесу — это именно то, чего ждет профессиональный снайпер, выманивающий жертву под идеальный выстрел.

Утреннее солнце едва пробивалось сквозь плотные, тяжелые кроны, когда на территорию хутора снова въехал тяжелый внедорожник Савельева. Но в этот раз он приехал не для разговоров на крыльце. В Сортавале экстренно разворачивался штаб расследования, телефонные линии между Карелией и Москвой раскались докрасна, и Игорю Корсакову, как официально привлеченному эксперту-консультанту, предстояло включиться в работу на полную мощность.

— Вдова Истомина, Елена, прилетела ночным бортом в Петрозаводск и оттуда на правительственной машине под

охраной уже доставлена в администрацию закрытого VIP-поселка «Ладожские дачи», — на ходу вводил в курс дела Савельев, пока служебный катер береговой охраны на максимальной скорости нес их по озеру обратно. На этот раз Савельев выглядел измотанным, под его глазами залегли темные тени, а от бывшего столичного лоска не осталось и следа. — Там же сейчас находится и родной младший брат убитого, Олег Истомин. Он фактически руководил всеми финансовыми потоками их строительного холдинга, пока Денис занимался политикой и связями. Атмосфера там, мягко говоря, раскаленная. Все требуют немедленных результатов, министр лично звонит каждые два часа.

Игорь сидел на пассажирском сиденье катера, положив широкую ладонь на теплую холку Зевса. Старший кобель замер, подставив морду встречным брызгам, его шрам над левым глазом на солнце казался бледным и старым. Младший Арес устроился у левой ноги Игоря, чутко реагируя на каждый толчок корпуса о воду. Корсаков принял жесткое, не подлежащее обсуждению решение взять псов с собой, несмотря на вялые протесты местного майора. Элитный поселок «Ладожские дачи» — это замкнутая, искусственная территория, где каждый из обитателей мог иметь свой весомый мотив для ликвидации строительного магната. А в таких условиях живой, безошибочный «детектор лжи» в виде двух кане-корсо был эффективнее любых долгих допросов под протокол. Собаки не слушают слова, они слушают гор-

моны, пульс и запах страха.

Через сорок минут катер сбросил ход и аккуратно пришвартовался к роскошному деревянному пирсу «Ладожских дач». Поселок разительно, даже пугающе отличался от дикого, первозданного карельского пейзажа, который Игорь созерцал последние пять лет. Это было государство в государстве: безупречно подстриженные английские газоны, вертолетная площадка с готовым к взлету легким «Еврокоптером», дизайнерские виллы из премиального клееного бруса и тонированного стекла, скрытые за высокими коваными заборами. По всему периметру, через каждые пятьдесят метров, на столбах сиротливо вращались купольные камеры наблюдения со следящими приводами. Защита казалась абсолютной, но для пули СП-5 стоимостью в несколько сотен рублей вся эта роскошь за миллиарды оказалась абсолютно бесполезной.

На пирсе их встретил начальник местной службы безопасности — высокий, подчеркнуто подтянутый мужчина лет сорока пяти в безупречно сидящей темно-синей форме. Его выправка, манера держать подбородок и жесткий, немигающий взгляд выдавали в нем кадрового военного, причем из тех, кто прошел не одну горячую точку. На груди красовалась скромная, но дорогая нашивка: «В. П. Рыбаков».

— Полковник Корсаков? — Рыбаков сделал шаг вперед, его голос прозвучал сухо и четко, как на плацу. Он протянул руку Игорю для рукопожатия, но его взгляд на секунду

задержался на мощных, шире человеческих, грудных клетках Зевса и Ареса. В глубине его зрачков на долю секунды мелькнуло и тут же исчезло едва заметное напряжение — так реагируют люди, которые знают, на что способны эти собаки в ближнем бою. — Нас предупредили о вашем визите. Я руковожу безопасностью периметра «Ладожских дач». Сразу хочу официально заявить: наши камеры внутреннего и внешнего контура ничего подозрительного за последние трое суток не зафиксировали. Доступ на территорию строго по биометрии лица и цифровым пропускам. Посторонних здесь быть не могло.

Игорь пожал протянутую руку, крепко, но без лишнего нажима. Его зеленые глаза мимоходом отметили две вещи: жесткие, глубокие профессиональные мозоли на второй фаланге указательного пальца правой руки Рыбакова — такие остаются только у людей, проводящих на стрелковых полигонах по несколько часов в неделю, — и то, как начальник безопасности едва заметно переступил с ноги на ногу, словно инстинктивно переходя в скрытую оборонительную стойку. Профессиональный счет Корсакова сработал мгновенно: перед ним стоял типаж исполнителя высшего класса, очень похожий на тех, с кем полковнику приходилось сталкиваться в Москве до отставки.

— Приятно познакомиться, Валерий Петрович, — спокойно, с легкой хрипотцой ответил Игорь, не отрывая взгляда от лица собеседника. — Камеры внутри поселка и не

должны были ничего зафиксировать. Стреляли из Чертовых ворот. Из старого финского дота на противоположной скале. Работал большой профессионал. Расстояние — около трехсот метров, под крутым углом сверху вниз. Ветер ложился на воду, так что поправка была минимальной.

При упоминании финского дота Зевс, шедший у правого бедра Игоря, вдруг замер. Огромный пес медленно поднял голову и в упор, не мигая, посмотрел на Рыбакова. Он не зарычал, не показал зубы, но его угольно-черные уши плотно прижались к черепу, а тяжелые брыли натянулись. Игорь, не глядя на собаку, едва заметно коснулся пальцами металлического кольца на его ошейнике. За пять лет их молчаливого, лечебного уединения в тайге они научились понимать друг друга без единого звука. Зевс транслировал хозяину совершенно четкий, однозначный сигнал: начальник безопасности в этот момент либо лгал, либо испытывал сильный, тщательно подавляемый животный страх.

Группа молча прошла по усыпанной мелким гравием дорожке к главному зданию администрации, выполненному в стиле хай-тек. Внутри, в просторном каминном зале с высокими потолками, их уже ждали. Воздух здесь был буквально пропитан запахом дорогого парфюма, валерьянки и коньяка.

Елена Истомина, молодая, ухоженная женщина с точеными чертами лица, сидела на кожаном диване. На ней было строгое черное платье, которое подчеркивало ее мертвенную бледность. Глаза вдовы были опухшими и красными от слез,

но идеальный маникюр и безупречно уложенные волосы говорили о том, что даже в моменты глубочайшего горя эта женщина не забывала о своем статусе. Она нервно, до побелевших суставов, крутила на пальце массивное кольцо с чистейшим бриллиантом.

Рядом с ней, заложив руки глубоко в карманы дорогих итальянских брюк, мерил шагами комнату Олег Истомин — младший брат убитого магната. Внешнее сходство с Денисом было поразительным — тот же волевой подбородок, те же жесткие волосы, но в Олеге чувствовалась какая-то лихорадочная, хищная и нервная энергия. Он постоянно дергал плечом и то и дело поглядывал на массивные золотые часы.

— Это какой-то фарс! — резко, почти выкрикнул Олег, как только Корсаков и Савельев в сопровождении собак переступили порог зала. Он остановился, тяжело дыша. — Из Москвы присылают следователя на пенсии с собаками вместо того, чтобы поднять по тревоге вертолеты, объявить план «Перехват», вызвать спецназ и перевернуть всю эту Богом забытую Карелию вверх дном! Моего брата убили, холдинг парализован, счета могут арестовать, акции на бирже летят в пропасть, а мы сидим здесь и теряем драгоценное время! Савельев, вы вообще соображаете, кто такой был Денис?

Игорь полностью проигнорировал этот эмоциональный выпад. Он спокойно прошел к массивному дубовому столу в центре зала, отодвинул тяжелое кресло и сел, жестом предложив Савельеву занять место по правую руку. Зевс и Арес

расположились по бокам от его ног. Младший Арес лег, вытянув лапы вперед и положив на них крупную голову, но его желтые, как янтарь, глаза непрерывно, словно два оптических прицела, отслеживали траекторию перемещения Олега Истомина по комнате. В этих глазах горел тот самый опасный, контролирующий огонь, с которым пёс еще несколько часов назад караулил периметр у дровяного сарая. Зевс же остался сидеть, превратившись в безмолвного, зловещего черного сфинкса.

— Елена Александровна, — мягко, но с той стальной уверенностью, которая не предполагала возражений, обратился Игорь к вдове, полностью игнорируя беснующегося деверя. — Я понимаю ваше состояние, но нам нужно восстановить хронологию. Расскажите о последнем дне вашего мужа. Почему он отправился в шхеры один? На обычном прогулочном катере, без личной охраны, без сопровождения Рыбакова? Для человека его уровня это было, мягко говоря, нетипично. Это было спонтанное решение?

Женщина вздрогнула от звука его голоса, подняла глаза на Игоря, и в ее взгляде Корсаков прочитал сложнейшую гамму чувств. Там была глубокая, искренняя скорбь, была паника перед неизвестностью будущего, но на самом дне зеленые глаза полковника заметили то, что утаить было сложнее всего — тщательно замаскированное, глубокое облегчение. Денис Истомин явно не был идеальным мужем, и его гибель решала для нее множество скрытых проблем.

— Денис... Он в последнее время был сам не свой, — тихо, почти шепотом заговорила Елена, ее голос слегка срывался, и она то и дело сжимала в кулаке кружевной платок. — Ему постоянно кто-то звонил. На старый, секретный номер, который знали от силы человека три. Он ругался, запирался в кабинете здесь, на вилле, кричал так, что стены дрожали. Три дня назад утром он зашел в спальню и сказал, что ему нужно срочно встретиться с человеком, который может раз и навсегда решить все наши проблемы с расширением границ поселка и министерскими проверками. Сказал, что встреча строго конфиденциальная, один на один, на воде, где нет лишних ушей. Я умоляла его взять хотя бы двоих ребят из охраны Рыбакова, но он жестко отрезал: «Если там на горизонте увидят хотя бы один чужой катер или человека в форме — сделки не будет, и нам конец».

— И вы не знаете, с кем именно была назначена эта встреча? — Игорь чуть подался вперед, его локти легли на стол, а пронизательный взгляд буквально впился в мимику женщины, фиксируя малейшее дрожание ресниц.

— Нет, клянусь вам, я не знаю! — Елена прижала платок к губам и всхлипнула. — Он никогда не посвящал меня в такие дела.

В этот момент Олег Истомин резко остановился прямо за спиной вдовы. Его холеные пальцы с дорогим перстнем судорожно, до побеления ногтей, вцепились в мягкую кожаную спинку дивана, на котором сидела женщина.

— Хватит мучить женщину, полковник, — с трудом сдерживая клокочущую ярость, процедил Олег сквозь зубы. — Денис искал выходы на федеральных чиновников, которые шантажировали наш холдинг. Его просто выманили, подставили и ограбили. Катер чистый, у него с собой был кейс с наличными и документами на право собственности — этого кейса на «Авроре» не нашли! Это банальный разбой, а вы ищите тут заговоры!

Зевс, сидевший у правой ноги Игоря, внезапно издал очень тихий, утробный, почти неслышный для остальных вибрирующий звук. Огромный пес демонстративно отвернулся от Олега Истомина, медленно опустился на ковер и повернулся к младшему брату магната своей массивной, широкой спиной.

Игорь внутренне улыбнулся. За двадцать пять лет работы со служебными собаками он выучил этот знак безупречно, но именно за последние пять лет их карельского отшельничества этот безмолвный язык Зевса обрел абсолютную, пугающую точность. Пес, который когда-то излечил его от бессонницы, никогда не ошибался. Кобель сигнализировал хозяину: Олег Истомин в этот момент безбожно врал. Никакого кейса с наличными, скорее всего, не существовало, а сам младший брат знал о деталях гибели Дениса гораздо больше, чем пытался показать. Его напускная агрессия и крики были лишь классической, топорной попыткой увести следствие в сторону от истинной причины — отсюда, изнутри поселка.

Корсаков медленно, опираясь на здоровую ногу, поднялся из-за стола. Он неторопливо поправил воротник штормовки, застегнул одну пуговицу и по очереди посмотрел сначала на Олега, затем на Елену, а после — на начальника безопасности Рыбакова, который всё это время безмолвной тенью стоял у входных дверей зала.

— Что ж, господа, картина для меня проясняется, — холодным, ровным тоном, от которого у Савельева пробежали мурашки по спине, произнес Игорь. — Убийца, кем бы он ни был, снайпер высочайшего класса. Он точно знал поминутное время выхода катера «Аврора» из закрытой бухты поселка, точный маршрут Дениса Истомина и финальную точку его остановки в Чертовых воротах. Эту информацию киллер мог получить только от одного человека — от того, кто имел прямой доступ к личному телефону магната, его планам или техническим системам слежения поселка. Круг лиц, знавших о секретном выезде Истомина на воду, ограничивается этой комнатой и вашей службой безопасности, Валерий Петрович.

Савельев торопливо открыл свой кожаный блокнот, скрежеща ручкой по бумаге и фиксируя слова полковника.

В каминном зале «Ладожских дач» внезапно повисла тяжелая, звенящая и удушливая тишина. Олег Истомин и начальник безопасности Рыбаков на секунду переглянулись, и в этом коротком обмене взглядами Игорь успел заметить нечто большее, чем простое удивление — это был страх двух

заговорщиков, которые поняли, что их идеальный план только что дал глубокую, смертельную трещину. Нити от снайперской лежки у старого финского дота начали медленно, но неумолимо стягиваться петлей вокруг элитного поселка.

Глава 6. Ложный след

Карельское утро окончательно вступило в свои права, но вместо тепла принесло лишь блеклый, рассеянный свет и плотный низинный туман, который выползал из леса и лениво облизывал безупречные английские газоны «Ладожских дач». В элитном поселке пахло дорогой кофейной гущей, мокрой плиткой и тем специфическим, металлическим страхом, который всегда повисает в воздухе, когда богатые и влиятельные люди внезапно осознают собственную незащищенность перед лицом сырой, безжалостной тайги.

Игорь Корсаков сидел на открытой веранде поселкового ресторана, который сейчас пустовал. Перед ним стояла нетронутая чашка крепкого черного кофе. Полковник лениво наблюдал за тем, как на вертолетной площадке, расположенной метрах в двухстах от него, двое техников в чистых комбинезонах торопливо снимали брезентовый чехол с легкого глянцево-черного «Еврокоптера». Лопasti машины были чистыми, а пилот в гарнитуре уже возился в кабине, щелкая тумблерами на приборной панели. Рулевой винт сделал первый ленивый оборот.

Рядом с креслом Игоря, распластавшись на дорогой террасной доске, лежал Арес. Младший кобель кане-корсо не спал — его купированные уши были направлены строго в сторону вертолета, а ноздри мелко подрагивали, ловя доно-

сящийся ветром едкий запах авиационного керосина. Зевс сидел чуть поодаль, у самых перил, контролируя вход на веранду. Старший пес двигался мало, но его почти черные глаза неотрывно следили за массивными стеклянными дверями административного корпуса. За пять лет мирной жизни на хуторе они привыкли контролировать периметр вместе, без суеты, как единый слаженный механизм.

Тяжелые двери со свистом разъехались в стороны. На улицу буквально вылетел Олег Истомин. В руках он сжимал дорогой кожаный дорожный несессер, а на ходу пытался застегнуть замок легкой пуховой куртки. Лицо младшего брата магната было багровым от гнева, а за ним, едва поспевая и путаясь в полах длинного пальто, семенил Савельев. Молодой майор из Сортавалы бежал чуть сбоку, испуганно держась за кобуру на ремне, словно не зная, имеет ли он право остановить столичного миллионера физически.

— Я сказал — дорогу! — рывкнул Олег Истомин так, что его голос эхом разнесся над застывшим озером. — Вы не имеете права меня удерживать! У меня через три часа совет директоров в Москве! Если я не появлюсь в офисе холдинга и не подпишу ордера, завтра утром акции нашей строительной империи превратятся в туалетную бумагу! Вы понимаете, что это банкротство? Вы понимаете, сколько людей останутся без работы? Из-за ваших идиотских подозрений и этих сибирских язв с собаками!

— Олег Денисович, стойте! — Савельев попытался забе-

жать вперед, преграждая путь к вертолетной площадке. — Вы находитесь в статусе ключевого свидетеля! Следовательно еще не подписал разрешение на ваш выезд из региона! Это прямое нарушение процессуальных норм! Вы срываете следственные действия!

— Да плевать я хотел на ваши нормы! — Истомин-младший грубо толкнул майора плечом, даже не заметив этого. — Задерживайте меня, оформляйте протокол, делайте что хотите! Мои адвокаты через сорок минут умножат ваш Сортавальский райотдел на ноль! В сторону, я сказал!

Савельев растерянно оглянулся на веранду ресторана, ища глазами Корсакова. В его взгляде была немая мольба о помощи: действующий опер Главного управления МВД просто не знал, как юридически грамотно и без скандала остановить человека с такими связями, если у них на руках до сих пор нет официального ордера на арест.

Игорь медленно поднялся с кресла. Не торопясь, опираясь на свою старую, ноющую к перемене погоды коленку, он спустился по деревянным ступеням веранды на гравийную дорожку. Зевс и Арес бесшумно, словно две черные тени, пристроились по бокам от его ног.

Корсаков перерезал траекторию Олега Истомина ровно посередине дорожки, у раскидистой карельской березы. Он остановился, заложив руки в карманы штормовки, и его пронизательные зеленые глаза превратились в две узкие, холодные щелки.

— Истомин, стоять, — негромко, но с той свинцовой, полковничьей интонацией, от которой у бывалых оперов МУРа когда-то пересыхало в горле, произнес Игорь.

Олег Истомин замер как вкопанный в двух метрах от него. Лопаста вертолета позади него начали вращаться быстрее, свистя и поднимая в воздух сухие листья и мелкую озерную пыль.

— Вы... Вы опять встаете у меня на пути? — Олег задышался от ярости, его холеные пальцы так сильно сжали ручку несессера, что кожа на суставах побелела. — Полковник, отойдите. Мое терпение не безгранично. Вы никто. Вы пенсионер, вас наняли просто как консультанта, чтобы вы по лесу с собаками гуляли! У вас нет против меня ничего!

В этот момент Арес, стоявший у левой ноги Игоря, плавно подался вперед на полшага. Его мощная грудная клетка надулась, а из пасти донесся тот самый фирменный тактический прием, о котором Игорь знал всё — не лай, а низкая, утробная вибрация, от которой гравий под лапами пса, казалось, начал мелко подрагивать. Мудрый Зевс остался стоять чуть позади, но его тяжелый, немигающий взгляд матово-черных глаз был намертво прикован к Истому. Кобель, пять лет назад ставший для Игоря живым полиграфом, транслировал вожаку абсолютную капитуляцию и липкий страх коммерсанта — этот человек не был убийцей, он был просто перепуганным соучастником теневых схем. Олег инстинктивно сглотнул и сделал попятное движение, прижи-

мая сумку к груди как щит.

— У меня действительно нет постановления на твое задержание, Олег, — спокойно, почти ласково сказал Игорь, переходя на «ты». — И у Савельева его нет. Ты волен идти на свою площадку, сесть в этот красивый черный вертолет и лететь в свою Москву спасать свои драгоценные акции.

Савельев испуганно выдохнул:

— Игорь Николаевич, но как же...

— Молчи, Савельев, — оборвал его Корсаков, не отводя зеленых глаз от бледнеющего лица Олега Истомина. — Лети, Олег. Только ответь мне на один маленький, чисто профессиональный вопрос. Твой брат Денис Истомин был умным, крайне осторожным мужиком. У него была лучшая охрана в районе под руководством целого майора спецназа в отставке Рыбакова. И тем не менее, три дня назад Денис сел в катер совершенно один и пошёл в Чертовы ворота. Зачем?

— Я уже говорил в зале! — выкрикнул Олег, перекрикивая нарастающий гул вертолетного мотора. — Его выманили! Обещали решить проблемы холдинга!

— Верно, — кивнул Игорь, сделав шаг вперед. Расстояние между ними сократилось до метра, и Истомин теперь мог видеть каждую седую волосинку в короткой стрижке полковника. — Его выманили. Человек, которому он доверял безоговорочно. Человек, который убедил его, что встреча должна быть абсолютно секретной. А теперь посмотри наверх, Олег.

Игорь указал подбородком на серую гранитную скалу,

возвышающуюся над VIP-поселком, где среди сосен едва проглядывала старая лесная просека.

— Киллер по кличке Гранит — это не просто наемник. Это снайпер-ликвидатор с психологией охотника. Ночью он приходил на мой хутор. Не для того, чтобы убить меня — он прощупывал мою реакцию, проверял, где я поставлю за-слоны. Гранит никогда не работает вслепую. Если ты сейчас сядешь в этот вертолет, ты станешь идеальной, летящей мишенью на фоне этого серого неба. Траектория взлета из этой бухты идет ровно вдоль скалистой гряды. Для винтовки «Винторез» вертолет на взлете, когда он зависает на секунду перед разгоном — это неподвижная банка в тире. Граниту даже целиться толком не придется. Выстрел в стекло кабины — и вы с пилотом рухнете в Ладогу с пятидесяти метров.

Олег Истомин медленно опустил дорожную сумку. Его лицо, только что бывшее багровым от ярости, стремительно, на глазах становилось серым, в цвет карельского тумана. Он обернулся на шумящий позади «Еврокоптер», затем снова посмотрел в холодные зеленые глаза Корсакова.

— Вы... вы блефуете, — севшим, сорванным голосом произнес Олег. — Вы просто хотите задержать меня здесь, чтобы покопаться в бухгалтерии холдинга.

— Мне плевать на твою бухгалтерию, Истомин, — жестко отрезал Игорь. — Я ловлю убийц, а не налоговых уклонистов. Если ты думаешь, что твоя смерть в воздухе решит проблемы твоих акций — иди. Садись и лети. Арес, Зевс —

назад. Пропустите господина директора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.